

* * *

Душа пуста, как зимний сад.
Плоды оборваны, и ветки
Тревожно по ветру свистят,
Как птицы, запертые в клетке.
Все роздано. О чём жалеть!
Не нужно только торопиться
Последний дюйм преодолеть
И к тихой пристани прибиться.
О, Родина немеркнущего дня,
Дарящая и веру и надежду,
Позволь сменить дорожную одежду
И приобщиться к таинству огня
Костра Любви. И большего не надо.
Для пахаря, пришедшего с полей,
Искры своей любви не пожалей,
Она ему желанная награда.

КАРАНТИН

Мама, мама. Метель Заполярья
Да тускло мерцающий свет,
Да воздух, насыщенный терпкою гарью,
Я помню с ребяческих лет.
Мурманск разбитый. Ночные тревоги,
Душный и смрадный вокзал,
Где я, тяжело заболев по дороге,
В обнимку со смертью лежал.
По крыше вокзала бродили осколки,
А мне так хотелось жить.
Я плакал, просил умоляюще долго
Губами иссохшими пить.
И ты, подчиняясь, покорно вставала,
Сгоняя усталость с лица,
За кружкой воды торопливо бежала
Под градом смертельным свинца.
И этот вокзал, и тифозные ночи,
По тёмным углам полупьяный разврат,
И жирные вши на рубахах рабочих,
И младшей сестры умирающий взгляд,
И к Богу старух безутешных молитва.
А кто не выдерживал холод и ад —
Движение руки со сверкнувшею бритвой
Повыше военных и мирных наград.
Тоска....
Безысходность.
Согнутые спины,
Да плач истеричный сходящих с ума...
До смертного часа угар карантина —
Бездонного горя сума.

* * *

Умолкла зябкая вода.
Кудель травы морозцем смята
В огне холодного заката
Горит холодная звезда.
Уныло сгорбился орех.
Сметает ветер у калитки
Листвы обугленные свитки,
И горек их шершавый смех.
Что отгорело, отцвело —
Всё унесла река забвенья,

И серых дней уединенье
С ветрами зимними пришло.
Ну до чего разумна суть
Святого таинства природы,
Что вёдра нет без непогоды,
Что к светлым дням нелегок путь.
Не потому ль в душе разлом,
Что жизнь крутым морозцем смята.
Лучи холодного заката
Обдали сердце, как огнём.

ДОЛЬМЕН

Скрывали заросли самшита,
Как память древней суеты,
Четыре каменных плиты
Из голубого диорита.
Касаюсь прошлого слегка.
Что удивительней на свете,
Чем тяжкий груз тысячелетий
Вдруг ощутить в своих руках.
Пустой и мрачный саркофаг,
Не сохранивший даже глена,
Напоминает: все забвенно,
И до забвенья только шаг.
Страстей в сумятице сердец
Умолкли гулкие литавры.
А что умели эти тавры:
Растить детей, пасти овец,
И кочевать по склонам гор,
Таких же диких и опасных.
Но жизнь на родине прекрасна,
Каков бы ни был приговор.
И чуден песенный напев,
Казалось, вовсе не жестоких.
Зачем в пучине вод глубоких
Топили юношей и дев?
Совсем не прост у тавров быт,
Таивший гибели начало.
Их время рано отзвучало
И тайну до сих пор хранит.
Глядит из прошлого дольмен,
А в нём витает призрак тавра,
А рядом жизнь и пахнет лавром,
Как будто всё без перемен.

ВИДЕНИЕ

Плыла над травами легко,
Тугие вздрагивали бёдра.
И в такт позвякивали вёдра
Над синим утренним дымком.
Литая бронзовая статья
Под тонкой дужкой коромысла
Была и вызовом и смыслом
Всему, что призвано блистать.
И эти руки — два крыла,
Парящих в утреннем тумане,
Казались сном воспоминаний,
Виденьем в синих зеркалах.
Душа кричала: «Позови
В свои объятия, виденье!
Иль напиши стихотворенье
О вечной мудрости любви».
Она жива ещё в тебе?
Иль вслед посмотришь, не робея,
Когда пройдёт такая фея
Навстречу призрачной судьбе.
О, век безумства и страстей!
Любовь... но чаще по расчёту.
Винить бессмысленно кого-то
На гребнях шальных скоростей.
И пелена упала с глаз.
Иная видится картина:
Кусты крыжовника у тына,
Кирпич и шифер про запас.
А дальше в мареве утра
За тыном пугало в рубахе,
В штанах и порванной папахе,
На коромысле два ведра.

* * *

За игривой рекой Бурульчой
Розмариновый шёпот садов,
Этот город задумчивый мой,
Это память прошедших веков.
Над мечетями белый туман,
За курганами облаком пыль.
Это в Кафу бредет караван,
Орошая слезами ковьяль.

Никуда от себя не уйти,
Ни от памяти, ни от судьбы,
И последнее слово «прости»
Слышишь в горле военной трубы.
Растворился в веках караван,
Отзвучала военная медь.
Только помнит над речкой баян,
Презиравших неволю и смерть.

БАЛЛАДА О ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

«Маленький домик на юге...»

(Песня)

Маленький замок на юге,
Старый заброшенный сад
Цветом охвачен, как вьюгой,
Многие годы подряд.
Справа от замка и слева
Цепь заколдованных гор,
Грёз и любви королева
В замке живёт до сих пор.
Лишь загорятся Плеяды —
Вспыхнет светильник в окне.
Рыцарь таинственным садом
Мчится на белом коне.
Двери откроются настезь,
Крепко закрытые днём,
Выйдет дарящая счастье,
С ней заколдованный гном.
Дрогнут стыдливо ресницы,
Бледность покроет лицо,

В свете луны заискрится
Кос васильковых кольцо
Словно влекомы судьбою,
Садом по лунной строке
Выйдут влюбленные двое
К старой и мудрой реке.
Чувств и желаний во власти
Пленников сказочных гор
Пламя сжигающей страсти
Бросит в любовный костер.
Только сольются и объятых
Давних надежд миражи,
Как раздаётся залятье
Голосом гнома в тиши.
Рыцаря как не бывало.
Но через год при луне
Все повторится сначала —
Вспыхнет светильник в окне.

НОЧЬ. КАРАСУБАЗАР 186... ГОДА

...И за тенью является тень.

А. Грин

Вот торговая площадь,
В стьлом небе над ней
Ветер звёзды полощет
И огни фонарей.
Стук колёс экипажей
В переулках глухих,
За дувалом на страже
Старый тополь притих.
Притаилась сторожко
По углам тишина,
И в колодцы матрёшкой
Загляделась луна.
Редкий окрик гортанный.
В этой стьлой ночи.

За долиной в тумане
Лишь хохочут сучи.
Осторожные тени
Через площадь скользят,
Осторожно ступени
Под ногами скрипят.
Промельк в матовом свете,
В смертной схватке судьба,
Обожжённого плетью
И неволей раба...
Крепко спала охрана
Под ветвями чинар,
От руки роксолана
Умирал янычар.

БАБУШКА МОКРУША

Сколько минуло годочков,
Но запала в душу
В аккуратных лапоточках
Бабушка Мокруша.
На болоте часто пешей
Шастала за клюквой,
Говорят, что зналась с лешим
И питалась брюквой.
Хлеба вдосталь не дала,
Маялась без крика,
Ткала, сеяла, пахала
Да и то не в лыко.
А грибов солила — бочки,
Их молва хвалила,
На гвоздочке в туюсочке
Свой секрет хранила.
Колдовала возле печки
Целый день с ухватом.
В Рождество — Иисусу свечку,
Пряники ребятам.
По дождю в леса ходила,
Вякала — не трушу,
От того в селе прослыла
Бабушкой Мокрушей.
Прожила, скажи на милость,
Сто один годочек...
Вся-то жизнь её вместилась
В двадцать восемь строчек.

БОМЖ

На ветру холодного забвенья,
Прислонясь к дверному косяку,
Человек с гримасой отвращенья
Потирал озябшую щеку.
За спиной, как будто в преисподней,
Захмелев, гудели мужики.
Человек, уставший не сегодня,
Выгребал из шапки медяки.
На лице, как пемза, ноздреватом
Не розыны — синяки цвели.
Возле ног валялись виновато
Сломанные кем-то костыли.
И в глазах такая стыла мука,
Словно рвали тело на куски
Беспощадно лагерные суки,
Обнажая острые клыки.
Содрогалось и кричало тело
На крутом похмельном вираже:
«Мужики!»... Да им какое дело,
Надоел всем до смерти уже.
Повелось так, видимо, от веку
Презирать, кто немощен и слаб.
И ползёт на четырёх калека
Средь здоровых мужиков и баб.
Там, в пивной, глазами белея,
В жутком море мата и тоски,
Он пропьёт, ничуть не сожалея,
Собранные за день медяки.

* * *

Матово струится
Лунный свет,
Что же мне не спится
На исходе лет?
Вспомнилось былое,
Юности разбег,
Платье кружевное
Белое, как снег.
Томное дыханье
Родниковых струй.
Первые желанья,
Первый поцелуй.

Горькая разлука
И тоска в речах,
И лебяжьи руки
На моих плечах.
Странствия по свету
(Был я молодым).
Почему все это
Превратилось в дым?
Завели дороги
Просто в никуда...
В сердце безнадёга
Да осколок льда.

Гулкой осени набат
 Растревожил старый город.
 Кисти горькие софора
 Завернула в листопад.
 Почернел старик Тайган,
 Катит волны белозубо,
 Тополь сбрасывает шубу
 С высоты своей в туман.
 Гор соломенная ржавь,
 На токах громады хлеба,
 Синь безоблачного неба,
 Снов тревожных полуявь.
 Вроде то ж, да всё не так.
 Сквозь осеннее безумье
 Мчится горького раздумья
 Мой уставший аргамак.
 Не туман, а гарь и дым
 Расстилается по полю,
 А на горных антресолях
 Плачет мудрый Серафим.
 Что оплакивать судьбу
 Листопадного народа!
 Скоро дунет непогода
 В Ерихонову трубу.
 Зимний хруст и ветра свист
 Заметёт остатки лета,
 И останется в ответе
 На снегу дрожащий лист.

Деревня тихая вразброс.
 Тихи и солнечны тропинки,
 Широкий и волен по старинке
 В подлесках майский сенокос.
 За поворотом — поворот.
 Иду с улыбкою счастливой
 По крутобокому обрыву,
 Где летом радуга живёт.
 Корзина всё ещё легка,
 Но выше, выше сосен пальцы
 И гуще лес, и, как на пальцах,
 На ветках дремлют облака.
 Ещё не скоро и не вдруг
 Потянет тонким ароматом,
 Навстречу выбегут маслята,
 Тая под шляпками испуг.
 Над ними я и царь, и бог.
 Казнить или миловать — не знаю,
 И острым ножиком срезаю
 Всю красоту у самых ног.
 Корзина доверху. Восторг
 Подобен вешнему разливу.
 Как надо мало быть счастливым
 В плену у сказки добрых гор.
 И чудных мыслей разворот
 Вселяет светлую надежду:
 Пусть много, много лет пройдет,
 Всё будет так, как было прежде.

* * *

Вот прошёл снегопад.
 Сквозь метельную замять
 Тихо светится лес,
 Как застывший мираж,
 И светло на душе,
 Небеса над снегами
 Обещают покой,
 А не ведьмин шабаш.
 Солнца зимнего круг
 Скоро в море утонет.
 Упадёт тишина
 В полотнища полей,

И зажгутся огни
 В тёмно-синих ладонях —
 Звёзды вечной любви
 Над Россией моей.
 Отдыхает земля
 До весеннего вскрика
 Торопливых ручьев
 И проснувшихся рек,
 В ожиданье чудес
 Не прочитанной книги,
 Без чего бы не жил
 На земле человек.

Звезда горит осенняя,
 Молчит усталый мир.
 Во сне самозабвения
 Бежит, журча Салгир.
 Не слышно гула людского,
 Ни окрика судьбы.
 По улице Урицкого
 Бегут одни столбы.
 На уличных полпервого,
 Загадочно вкрут,
 И еле слышен «скорого»
 О рельсы мерный стук.
 И тихо с содроганием
 Внимаю звукам лир.
 Во мне одно желание —
 Постигнуть ночи мир.

Отчего так грустно и светло?
 От того ль, что промелькнули сроки,
 И любовь, как лёгкое весло,
 Унесли весенние потоки.
 И костёр не загорится вновь,
 Не бывает полымя без дыма,
 Не бывает первая любовь
 Через недоверье повторима.
 Ну а если все же бы сошлись
 Две судьбы на новом перекрёстке,
 Всё равно бы отравляли жизнь
 Прошлых недомолвок отголоски.
 И уплыло лёгкое весло
 По досель не понятой причине.
 Может быть, себе я сделал зло,
 А причины не было в помине.

ПЛАТО КАРАБИ

1.

В душе — щемящая тревога.
 О чём душа моя скорбит,
 Зачем припомнилась дорога,
 Что увела на Караби?
 Всё было как-то необычно:
 И ветра вздох, и нежность рук,
 И в травах птичьья переключка,
 И зайцев летошний испуг.
 И голубое, голубое,
 Как море, небо над землёй...
 А руки пахли зверобоем,
 А губы пахли мушмулой.
 Там за осиновою куртиной
 Звенели томно соловьи.
 Зачем напомнили осины
 Мне о несбыточной любви?
 Я вновь хочу услышать трепет
 Тех нестареющих осин,
 И сердце бьётся словно стрепет
 Над ширью дикою равнин.
 Не устоять мне пред судьбою.
 Я вновь с тобой на Караби.
 Как пахнут руки зверобоем!
 А губы шепчут о любви.

2.

Какая ширь! Какой простор!
 А воздух призрачно-хрустален.
 Пионов праздничный костёр
 Так безмятежен, беспечален.
 Страна таинственных пещер,
 Страна контрастов и загадок,
 И горных каменных химер,
 И сталактитовых каскадов.
 В развалах хаоса камней,
 Как будто в лунной панораме,
 Застыло время в толще дней
 Напоминаям давней драмы.
 Здесь память чуткая живёт
 В кремневой вечности осколков,
 Здесь, как и в древности, цветёт
 Повсюду белая ясколка.
 Здесь земляника и ковыль,
 Грибы и купы зверобоя,
 Здесь табуны, вздымая пыль,
 Спешат под вечер к водопою.
 Здесь бродят в полдень миражи
 Высоких туч, туманов зыбких.
 Здесь состояние души
 Прощает прошлые ошибки.

ЛУННАЯ КОМНАТА

Так бывает, всю ночь напролёт
Бродят в комнате лунные тени,
И неведомый голос зовёт
И торопит моё пробужденье.
И тогда из далеких глубин
Лихолетья и трудного детства
Выплывают виденья картин,
Что оставила память в наследство.
Не поймёшь: то ли явь, то ли сон
Обнимает души Зазеркалье...
Вижу снова вересковый склон,
Голубичную марь Заполярья.
Над посёлком туманный рассвет,
Возле пирса вельботы и лодки,
На песке буревестника след,
Бочки пикши, трески и селёдки.

И глухие над морем гудки.
День всегда начинался непросто.
Уходили на лов рыбаки
В штормовые объятья норд-оста.
Возвращались, однако, не все,
И тянулись детишек ручонки
К беспокойной морской полосе.
А в ответ — даже нет похоронки.
Север, север. Безмолвие гор.
Сердце настезь надеждам открыто,
Не с того ли меня до сих пор
Тянет к Северу крепче магнита.
В лунной комнате я не один,
Где-то рядом со мной по соседству
Слышу зов из далеких глубин,
Голос Родины, голос из детства.

* * *

Стихи мои, ушедшие в туман
Нерадостных былых воспоминаний,
Я среди них уставший капитан
На корабле несбывшихся желаний.
В душе не вспыхнет праздничный костёр.
Года ушли в сиреневое лето,
И лишь остался трудным разговор,
Какая участь ждёт стихи поэта.
Во все кровопролитные века
Судьба с поэтом обходилась круто,
И умирала гордая строка,
И воскресала в трудные минуты.
Случится ль так,
Что много лет пройдёт
И человек, устав от потрясений,
В моих стихах свой крик души найдёт
И боль души прошедших поколений.
Стихи мои, ушедшие в туман...

Опять зима,
И холодно, и сыро.
Луна в окне,
В подсвечнике свеча,
И чёрный кот, таинственно урча,
Скребётся в дверь нетопленной квартиры.
Чертовский холод.
Дикая тоска
Ударила стрелою лихолетья.
Неласково живём на этом свете,
Мелеет нашей мудрости река.
О чём грущу я, вслушиваясь в скрип
Озябших веток у застывших окон,
Как шелкопряд пряду из строчек кокон
О тех, кто жил и кто давно погиб.
Я сам с собой решаю компромисс
Меж красотой и злобностью эпохи,
Как мы живём: иль хорошо, иль плохо,
И над какую бездной человек завис.
Мы сокращаем дни свои шутя,
Не оценив разумное начало.
Какая мать тоскливо не кричала,
Увидев на кресте своё дитя.
Вот за окном раздался жуткий крик,
Кого-то грабят или убивают,
Мы так живём, совсем не понимая,
Что жизнь одна.
И дорог каждый миг...
Чертовский холод.
Дикая тоска пожухлых листьев,
Мокрого забора,
И тих, и мрачен съёжившийся город.
Мелеет нашей мудрости река.

РЕИНКАРНАЦИЯ

...И, превращённый в прах,
Уйду в объятия Аида,
Исчезнет жизни горькая коррида
И перед Смертью первобытный страх.
Душа моя поднимется в зенит,
Ни в Ад, ни в Рай не пущена судьбою,
Столетиями блуждая над толпою,
Однажды безголосо закричит.
И разомкнутся в гнев небеса,
Поняв моё упрямое желанье,
И в холоде слепого мирозданья
Откроется земная полоса.
И я восстану снова в синей мгле
Совсем в другом неведомом обличье,
И снова прежней поступью привычной
Опять пойду по матушке-земле.
Я вспомню, где и как я жил,
И как впервые посетила Муза.
Я так любил всех жителей Союза,
Стоящих у руля боготворил.
Я верил в силу всех святых начал,
И в торжество высоких идеалов,
Меня надежда сердца окрыляла,
Я многое от жизни ожидал.
Но что я вижу? Тот же прежний блуд
И прежнее к насилию стремленье,
Привычные к невзгодам и лишениям,
Всё так же люди долго не живут.
Всё те же войны. Мир от боли бел.
Добро и Зло сошлись в смертельной схватке.
И нет ключа к решению загадки,
Как прекратить кровавый беспредел.
Я вновь уйду из жизни роковой,
Душа моя опять покинет тело.
Объятая смятением всецело
Вдруг вспыхнет одинокою звездой.